
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Михаил Кураев. «Ленфильм» был!.. Из записок беглого кинематографиста.
СПб.: Петрополис, 2020. — 436 с.: ил.**

По сценариям известного российского писателя Михаила Кураева сняты 15 художественных фильмов. С 1961-го по 1988 год он работал в сценарной коллегии «Ленфильма», а затем «сбежал» из кино в литературу. На легендарную киностудию в сценарный отдел он попал по распределению после окончания театроведческого факультета Ленинградского театрального института. На свою жизнь на «Ленфильме» он оглядывается с доброй иронией. С первого дня службы его посадили на «самотек»: читать бесчисленные «сценарии» непрофессиональных авторов. По строгим советским правилам работы с письмами и обращениями граждан все почтовые поступления фиксировались, развернуто и аргументированно ответить требовалось в месячный срок, иначе рукопись считалась студией принятой и подлежала оплате. Редактор также подготавливал принятые сценарии и сопровождал фильмы по ходу съемок. Во время командировки на Байкал, где снимался очередной фильм, Кураев приобрел книгу Г. Михасенко «Пятая четверть». Героем детской повести был шестиклассник, приехавший на каникулы к старшему брату в Братск. С этой повести началась сценарная деятельность Кураева. Вообще-то, сотрудники студии не должны были писать сценарии, а если уж брались за него, то только с разрешения высшей инстанции, с непременным снятием с зарплаты на срок работы. Но так как узким местом в планах «Ленфильма» были фильмы для детей, предложение Кураева написать сценарий о школьниках, живущих в Сибири, встретили благосклонно. Фильм «Пятая четверть» вышел в 1969 году. Гонорар за первый фильм позволил вступить в ЖСК, Кураев задумал и второй, о буднях советских танкистов Заполярья. «Первый сценарий мне простили. Кто простил? Коллеги», — пишет он. Довольно дружная, гуманная редакция выражала недовольство: «Когда вы писали первый сценарий, мы понимали, у вас сложно с жильем. Жена, маленький ребенок, я знаю, что такое в одной комнате. Мы понимали. Но вы хотите еще, это уж слишком». Благодаря содействию командующего ордена Ленина Ленинградского военного округа генерал-полковника А. Грибкова Кураев, старший лейтенант запаса и выпускник театрального института, был направлен для прохождения военных сборов в Мурманскую область на станцию Алакуртти, в воинскую часть №.. стажером командира танкового взвода. Там, где природа и обстоятельства испытывают не только технику, но и людей, он собирал материал. Встретил героев будущего фильма, диалоги, бытовые и служебные ситуации складывались во фрагменты сценария. Выполнять обязанности командира взвода ему помогал механик-водитель, рядовой Карачинцев, деликатно руководивший своим командиром. Фильм «Строгая мужская жизнь» вышел в 1974 году. В открывающей эту книгу повести «Когда пускался на дебют» Кураев с изрядной долей юмора рассказывает о том, что не вошло в фильм, осталось за кадром, как шло обсуждение и съемка двух первых его фильмов. Продолжит он танковую тему — большие армейские учения на Севере — в рассказе «Кинщик

едет!». Подробно расскажет («Женьку взяли... По ту сторону детектива» — криминальная история сценарная и настоящая) и о создании фильма со счастливой прокатной историей — «Два билета на дневной сеанс» (1966). Это был первый фильм о мафии и работе ОБХСС, а принимал участие в работе над ним начальник ОБХСС Петроградского района, первый, кто стал с помощью меченых атомов изобличать преступников. Кураев повествует о сложных студийных механизмах, о взаимоотношениях уникальных людей, сотрудников студии, о трудных дорогах фильмов к зрителю, о картинах, долго лежавших на полках и получавших Госпремии впоследствии, и о создателях этих фильмов. Отдельные новеллы посвящены А. Герману, с ним автор учился в театральном институте; П. Кадочникову, знакомство с которым помогло Кураеву найти ответ на вопрос, что же такое интеллигентный человек; удивительному режиссеру, родившемуся и похороненному в Вене, ученику классика немецкого и мирового кино Г.-В. Пабста, Г. Раппапорту. Г. Раппапорт работал в Германии, Англии, США, но приехал в СССР в 1936 году снимать антифашистское кино. Великолепной восьмеркой атлантов Кураев называет директоров студии, с которыми работал, не всегда компетентных, воспринимавших свою службу как временную, промежуточную, но все-таки поддерживавших в меру сил имя «Ленфильм». «Не уронили. Может быть, не дали уронить». Как профессиональный редактор, Кураев не раз уточняет сведения, содержащиеся в Википедии, делает уточнения и очень значимые. Например, вот такое: штрафные батальоны не в кино, а на фронте формировались только из офицеров, командирами были строевые офицеры, не штрафники; а значит, оболганные сегодня штрафные батальоны можно считать элитными офицерскими частями. Выстраданная жизненная философия Кураева, что радость — палка о двух концах, подтверждается многочисленными эпизодами, связанными с творческими перипетиями. В книге немало курьезных историй. На протяжении всей книги, к какой бы теме ни обращался писатель, на первый план выходит «Ленфильм», сложный живой творческий организм. Сравнение дня прошлого и нынешнего не в пользу последнего. Парадокс: «Уж скоро сорок лет, как нет ни цензуры, ни грозных инстанций, выламывающих руки и залезающих с ногами в мозги, а в новогоднюю неделю по всем каналам ТВ идут и идут фильмы, снятые в аракчеевские времена нашего кинематографа». А где шедевры нынешние? Кураев считает, что возродить «Ленфильм» невозможно: «нельзя вернуть молодость, да и зрелость нельзя вернуть. Нельзя вернуть советскую власть, чьим детищем был „Ленфильм“. Творческий организм — живой организм, а все живое имеет начало и конец. Смиримся». Эта книга большого мастера слова — объяснение в любви «Ленфильму». «О, мой „Ленфильм“ но ты же чудо! В павильонах теснота, каждое утро на диспетчерском совещании за каждый квадратный метр, за каждый календарный день война, драка... Техника изношена... Монтируем на допотопных мовиолах... На двугорбый „эклер“, которым снимали еще „Парижского сапожника“ и „Ивана Грозного“ в эвакуации, напяливают ватные „штаны“, чтобы шумел потише... Из Пятого павильона не изгнать кошек, кажется, переживших там блокаду, и орущих после сигнала: „Тишина в павильоне!“ Транспортный цех — за городом!.. Два часа заказанная машина едет на студию, два часа обратно... Для перезаписи едем на студию документальных (!) фильмов... Пленка — дрянь, снимай по шесть-семь дублей... Выбить „кодак“ можно только с кровью... Денег нет... В сроки не уложиться... Начальники тупые, трусливые, без понятия... Но было — кино! И был „Ленфильм“! Был „Гамлет“ — агитка за человечность, как именовал свой фильм Козинцев. А „Крепостную актрису“ берут на атомные лодки, когда уходят на полгода в автономку... Мой „Ленфильм“ — это Панфилов и Асанова, Микаэлян и Герман, Венгеров и Ершов, Масленников и Авербах... Это племя возросло на почве, отвоеванной и возделанной стариками... Благодатная почва, здесь снимали, снимали, снимали... Даже не прижившиеся у нас Полока и Кулиш свои лучшие фильмы сделали здесь. Мой „Ленфильм“ кончился, и это ясно, как простая гамма... Как звук оборванной струны...»

Юрий Казарин. Над бездной. Стихотворения. М.: Издательство Евгения Степанова, 2019. — 26 с.

На счету екатеринбургского филолога, литератора, поэта Юрия Казарина множество книг: монографий, словарей, сборников прозы, свыше полутора десятка поэтических сборников. Он не обойден вниманием критики, оценки диаметрально противоположные. Для кого-то он — поэт, оставивший строгую классику во имя игр современной литературы, и логический парадокс в его стихах вытеснил эмоциональную составляющую. Для большинства критиков Юрий Казарин — уже классик, философ, остро ощущающий космическое всеединство, неразрывность земли и неба, природу как великое таинство. Замечено, что человеческое время у Казарина тесно спаяно с вечностью, бытийная конкретика переплетается с огромным миром живой и неживой природы. Важное наблюдение высказано поэтом Е. Перченковой в предисловии к поэтическому сборнику Ю. Казарина «Глина» и подхвачено литературными критиками: Казарин — «поэт взгляда всеохватного», этот взгляд — основной, ключевой способ сообщения с миром в поэзии Казарина. И это зрение совершенно особого рода — синтетическое, органически вбирающее-вплавляющее в себя и слух, и осязание. Все эти особенности поэтического «я» поэта нашли свое отражение и в сборнике «Над бездной», куда Ю. Казарин поместил новые, никогда и нигде не публиковавшиеся стихотворения. «Все нежнее ненастье надсада, / почернела от неба ограда — / плачет медленной кровью гвоздя. / И ломают растение взгляда / деревянные молнии сада, / деревянные капли дождя. / Словно смерть умирает от боли — / и свобода тоскует по воле, / ускользая из глиняных рук». Ю. Казарин не первый поэт в России, заглянувший в бездну, порой стоя на ее краю, у каждого была своя. Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Фет, Некрасов, Блок, Анненский, Мандельштам... Бездна Казарина — это *там*. Там, где растворяется жизнь конкретного человека, куда уходит отведенное человеку время земной жизни. Казарин упорно, напряженно стремится изведать недоступное, непознаваемое, прикоснуться к вечности. И, заглянув в бездну, обнаружить пустоту? «Вечно мечется над бездной / бабочкою бесполезной / взгляд, прижатый высотой — / нежно-ржавой, золотой. / Кувыркание и паренье, / неуменье умирать: / голубую пленку зренья / вместе с небом не сорвать / с оголенного предмета, / чтоб открылась пустота / и невиданного света / не зеницы, а уста». «Пустота» — одно из ключевых слов в сборнике, ее обнаруживает поэт в видимом мире, но она многолика, антропоморфна, притягательна, она как отрицание самое себя: пустота — живая часть мироздания... «Небо исхожено птицами, / лесом, глазами, ресницами / и пустотой...» «И в паутине первая звезда. / Пушистый свет. Оконные места. / И пустоты стеклянные уста, / рисунок лебеды — в окне, без линий, / где пишет лебеду свободный иней, / темнея от любви до полной тьмы: / все состоит, как зренья, из зимы — / и в высоту вжимаются холмы / над белизной, от стужи темно-синей». «Призрак сада мерцает в саду. / Листопад. Синева. Наваждение. / Пустоты золотое хождение / в зеркалах, перезябших в пруду...» Короткие, емкие, насыщенные по смыслам стихотворения фиксируют мгновение: пейзаж, вещный мир, состояние природы, состояние души. «Полчаса, а то — полвека, полежу / и в глазах закрытых небо подержу: / пусть прижмется к несоленому, в слезах, / морю — голому, глубокому — в глазах. / Высплусь с небом — буду плакать, буду петь, / Буду небом в небо главное глядеть». Шаг от осязаемого мгновения к осязанию вечности — короток. «Лежишь с закрытыми глазами — / глядишь открытыми слезами / в себя, летящего на свет / туда, где тьмы и света нет, / где недосказано сказанье. / песнь без начала и конца, / и мягче синего свинца / души свободной осязанье, / и глина главного творца / нежнее птичьего лица / твердеет в пламени сознанья». И все-таки если

«у бездны хвойные края, / и время к смерти привыкает», то может ли привыкнуть к смерти человек, примириться с неминуемым исходом? В сборник органично входит и гоголевский цикл, «лед ужаса и красоты», и нежные стихи, адресованные маленькой девочке Кире: «Не жалко звезд, а смерти жалко — / и видит вечное ничто / крест шерстяного полушалка / на детском, господи, пальто, / когда ведут из детства в старость / тебя, как время, вдоль земли / туда, где смерти не осталось, / где выше звезд снега легли». О казаринском почерке, казаринском звуке, казаринском мироощущении точно сказал критик Эмиль Сокольский: «Вместе собираются и бездна, и время, и смерть, — собираются в вечности, растворяются в ней, теряя свои „страшные“, трагические смыслы, поэтому в поэзии Юрия Казарина и горько и радостно, „грустно и легко“, тревожно и светло; в каждом его стихотворении-мгновении — всего в несколько строк! — собрано нечто главное, всеобъемлющее; они вбирают в себя землю, воду, птиц небо — как символы все той же вечности. В ней и только в ней обитают слово, поэтическая мысль Казарина; в ней же — и разрешение всего того, что томило, терзало, жгло, тревожило, беспокоило. Стихи его — не просто „взгляд, все время обращенный в небо“; в них — чувство неразрывности земли и неба, космического всеединства: „Земля навстречу небосводу / вздымает дикие сады, / в реке скала — одета в воду / или раздета до воды...“» В одном из интервью Ю. Казарин на вопрос, что такое для него поэзия, ответил: «Поэзия для меня — это самый продуктивный, духовно насыщенный, прямо говоря — божественный, способ познания человека, мира и космоса». «Перещупает все, залатает / и заштопает дождик ночной. / Только в зеркале тьма золотая / засыпает и плачет со мной. / Ничего, за ненастьем успею первым светом глаза уколоть, / и озябшая Кассиопея — / в пять перстов — соберется в щепоть. / И над кровлей, дрожа и светлея, / тишину от угла до угла / голубая царапнет игла».

Россия. Запад. Восток. Культурные связи. Документы и материалы из собраний Пушкинского Дома: Альбом. СПб.: Нестор-История, 2018. — 360 с.: ил.

Не счесть сокровищ в Институте русской литературы, более известном как Пушкинский Дом. История этого крупнейшего хранилища рукописей, произведений искусства, фонограмм началась в 1899 году с торжеств по случаю 100-летия со дня рождения А. Пушкина. Именно тогда возникла мысль об учреждении «Дома имени Пушкина, особого литературного пантеона, где бы собирались и хранились реликвии русских писателей XIX века». 15 декабря 1905 года специальная комиссия утвердила это положение, и этот день считается днем рождения Пушкинского Дома. Первым приобретением (на правительственные средства) нового учреждения стала библиотека Пушкина, за счет казны был куплен парижский музей А. Онегина (Отто) — уникальная коллекция пушкинских документов, реликвий, книг. В 1917 году в Пушкинский Дом поступила коллекция первого литературного музея России — Пушкинского музея Императорского Александровского лицея, упраздненного Февральской революцией. В 1922 году фамильные реликвии и документы передала в Пушкинский Дом троюродная сестра Пушкина Анна Ганнибал. С первых лет существования Пушкинского Дома его собрания пополнялись не только пушкинскими реликвиями. В 1909 году сюда поступила часть предметов, демонстрировавшихся на выставке Академии наук в память И. С. Тургенева, после революции в собрание Пушкинского Дома вошли коллекция Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище, собрание бывшего Некрасовского музея, петербургский Толстовский музей. С 1995 года Пушкинский Дом, сложный музейно-исследовательский комплекс, единственный в мире по своему образу, входит в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия. Не одно поколение ученых посвятило свою жизнь исследованию огромного отече-

ственного литературного наследия. Особое место среди материалов занимают документы, связанные с историей мировой культуры. Формированием иностранного рукописного и музейного фонда Пушкинского Дома никто никогда специально не занимался, однако в нем хранится немало автографов и музейных экспонатов, имеющих отношение к зарубежным деятелям культуры и международным связям русской литературы. Это письма зарубежных литераторов к русским знакомым и переводчикам, в издательства и литературные общества, записи в альбомах, это и коллекционные автографы деятелей культуры, главным образом стран Западной Европы, как правило, приобретенные по случаю. Документы эти «покрывают» собой огромное географическое пространство — от востока до запада, включая в себя все материки и страны. Альбом знакомит с малоизвестными и новыми документами, а также с изобразительными материалами из собраний Пушкинского Дома. Представлены уникальные автографы отечественных и зарубежных писателей, переводчиков, философов, церковных деятелей, музыкантов, ученых, коронованных особ, видных политиков разных эпох — от XVII века до XXI. Среди них — автографы А. Пушкина, Шиллера, Гейне, Байрона, Гюго, Мицкевича, Дюма, Мопассана, Диккенса, Дарвина, В. Жуковского, Гоголя, Блока, Гиппиус. А также записки Кочубея во время путешествия в Англию 1789 года, письмо Де Рибаса к А. Суворову; французского посланника в России графа Сегюра к князю Г. Потемкину. А также автографы Наполеона, Бисмарка, английской королевы Виктории, К. Маркса... Многие документы увидели свет впервые. Например, впервые публикуется открывающая альбом грамота испанского короля Филиппа IV о пожаловании Грегорио де Варгасу 200 дукатов единовременно (1621). И сразу первая загадка: как попала в Россию грамота о пожаловании средств никому не известному лицу? Обнаружили ее в хранящемся в Пушкинском Доме архиве журнала «Русская старина», выходившего в 1870—1918 годах. Впервые публикуется и фрагмент из путевых заметок Арсения Суханова, совершившего путешествие в Палестину в 1649—1653 годах («Проскититарий, или Поклонник святых мест»). Впервые опубликован секретный код, выданный Антиоху Кантемиру из коллегии иностранных дел при отъезде его резидентом в Лондон в 1731 году. Среди публикуемых раритетов и нотная запись партии первой скрипки из канаты И.-С. Баха «Mein Herze Schwimm im Blut», 1714. Эта рукопись — единственный в России полный нотный автограф великого композитора. В Пушкинский Дом он поступил в 1919 году в составе коллекции княгини Зинаиды Ивановны Юсуповой (1809—1893), известной собирательницы автографов. Встречи на перекрестках разных культур порой очень неожиданны. Такой неожиданностью является письмо английского писателя Дж.-К. Джерома к И. Леонтьеву-Щеглову, автору рассказов из военной жизни, популярному в свое время драматургу и писателю-юмористу, которого даже называли «русским Джеромом». Письмо касается событий русской революции 1905 года, которую Дж.-К. Джером приветствовал: «Я почти завидую вам, ваша Россия — в муках деторождения. Она производит новую Россию. В такие времена, как сейчас, в России стоит жить. Как это великолепно быть русским и иметь перед собой такую огромную работу». Почти три сотни опубликованных документов. Завершает галерею раритетов рисунок современного турецкого писателя, лауреата Нобелевской премии 2009 года Орхана Памука, выступавшего в Пушкинском Доме. Каждому документу отведен один разворот большеформатного альбома, напечатанного на мелованной бумаге: факсимильное воспроизведение документа, переводы на русский иностранных текстов, иллюстративный ряд, комментарии — справки об авторах и их адресатах, история их взаимоотношений, история поступлений документов в Пушкинский Дом и история их обнаружения. Так, автографы выписки Вольтера из латинских авторов и его письма будущему прусскому королю Фридриху II (1737) были обнаружены при разборке бумаг А. Пушкина. А как они попали к Пушкину? Загадки, загадки, загадки. И свое-

образный краткий очерк истории взаимосвязей России и мира, единого культурного пространства.

Николай Стариков. Сталин против военных преступников и поджигателей войны. Документы и материалы. М.: Эксмо, 2020. — 448 с.

Писатель и политик Николай Стариков утверждает, что можно точно назвать время, когда бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции начали фальсифицировать и переписывать историю. Это произошло в конце января 1948 года, когда государственный департамент США в сотрудничестве с английским и французским министерствами иностранных дел опубликовал сборник донесений и записей из дневников гитлеровских дипломатических чиновников под названием «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.». Ответом Сталина стал выпуск брошюры «Фальсификаторы истории». Следом за ней, чтобы донести правду до современников и потомков, в 1949 году по распоряжению Сталина был издан сборник документов, доказывающих и подтверждающих преступления гитлеровцев, содержащий материалы о борьбе с военными преступниками и поджигателями войны. Эта книга, «Военные преступники и поджигатели войны», стала вторым важнейшим аргументом в противостоянии с коллективным Западом, который не прочь был повторить «поход на Восток» и усиленно готовил к этому общественное мнение. Главным редактором сборника стал Сталин, который всегда лично контролировал и корректировал важнейшие публикации. Эти издания должны были предотвратить и ошибки прошлого. Вопиющие нарушения международного права германские войска совершали и во время оккупации части российской территории в 1918 году. Но после разгрома Германии в Первой мировой войне Россия, погруженная в пучину гражданских распрей, не могла содействовать наказанию военных преступников. И хотя Парижская конференция по составлению предварительного мирного договора назначила специальную комиссию для разработки вопросов о нарушениях вооруженными силами Германии законов и обычаев войны, все работы комиссии остались декларацией: ни один из виновников злодеяний, совершенных немцами в войне 1914—1918 годов, не понес заслуженного наказания. Запад старательно уводил преступников от ответственности. Именно твердая и принципиальная позиция Сталина по окончании Второй мировой войны, констатирует Н. Стариков, привела к тому, что хоть часть преступников была осуждена и наказана, несмотря на попытки Запада и в этот раз поступить, «как тогда». Нюрнбергский и Токийский процессы явились первыми в истории актами международного трибунала над поджигателями и преступниками войны. На них осудили чудовищные преступления, совершенные гитлеровской Германией и Японией во Второй мировой войне. Преступников приговорили к смертной казни и повесили и в Нюрнберге, и в Токио. Данная книга фактически повторяет издание 1949 года, за некоторыми исключениями. Открывают ее выступления Сталина на торжественных заседаниях Московского Совета (6 ноября 1941—1944 годов), в которых он последовательно разоблачал суть фашизма и намечал пути борьбы за мирное будущее человечества. Второй раздел сборника «Документы и материалы» включает извлечения из речей наркома (министра) иностранных дел СССР В. Молотова на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 октября 1946 года и его доклада на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1948 года. Во второй раздел включены также речи А. Вышинского на пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН и в ее Политическом комитете. В третий раздел помещены ноты народного комиссара иностранных дел В. Молотова и заявление Советского правительства, содержащие задокументированные данные о злодеяниях, совершенных немцами на временно оккупированных территориях СССР. В четвертый раздел вошли

материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба советской стране и ее гражданам. Пятый раздел сборника включает основные материалы, связанные с организацией деятельности Нюрнбергского международного военного трибунала. Аналогичный материал по Токийскому процессу главных японских военных преступников собран в шестом разделе. Заключительная часть (седьмой раздел) связана с деятельностью ООН. Книга «Сталин против военных преступников и поджигателей войны» — уникальный сборник ужасающих фактов нацистских зверств, каждый из которых подтвержден свидетельствами очевидцев. Такие документы не вызывают разночтений, их нельзя трактовать в угоду какой-либо идеологии. И это делает книгу особенно ценной сейчас, когда история перекраивается на наших глазах. По этим материалам можно проследить, как усилия советского руководства по введению международного запрета ядерного оружия и сокращению вооружений раз за разом наталкивались на противодействие США на только что созданной площадке ООН. Актуально звучат сегодня выступления академика А. Вышинского, посвященные соотношению норм международного права и государственного законодательства. Сегодня одна из статей нашей Конституции говорит о приоритете первого над вторым. А вот как расставляло приоритеты сталинское руководство: «Нельзя согласиться с тем, что международное право является якобы основой национального права. Можно, наоборот, утверждать, что национальное право является источником и основой политики и методов урегулирования внешних отношений того или иного государства с другими членами так называемого международного общения. ...Позиция данного государства во внешнеполитических отношениях с другими государствами не может не определяться принципами его внутренней политики, его внутривнутриполитическими целями и стремлениями». И тогда уже кампания, ведущаяся под знаком борьбы с «вето», приняла определенно враждебный Советскому Союзу характер. Сегодня вместо СССР враг Запад видит в России. Документы и материалы демонстрируют, как с первых послевоенных лет Запад старательно готовил полное разрушение системы международного права, происходящее и сегодня. Показывают они и то, что в самые тяжелые моменты руководители нашего государства находили точные и взвешенные ответы на агрессию явных врагов и мнимых «партнеров» — от безумного плана «Барбаросса» до циничных расчетов одолеть обескровленную страну в «холодной войне».

Архипова Александра, Кирзюк Анна. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: НЛО, 2020. — 536 с. (Серия: Культура повседневности).

Джинсы, зараженные вшами, колбаса с крысиными лапками, пирожки с начинкой из детей, портрет Мао Цзэдуна, проступающий ночью на китайском ковре, свастики, скрытые в конструкции домов, жвачки с толченым стеклом — вот неполный список советских городских легенд об опасных вещах. На Западе изучение распространенных городских легенд (слухов), которые могут влиять на поведение горожан, в первую очередь на потребительский спрос, началось в 1970-е годы. В 1980—1990-е годы объектом интереса стали легенды о «ВИЧ-террористах», в конце 1990-х и начале 2000-х появляются исследования городских легенд о терактах и катастрофах, в 2010-е годы внимание переключилось на феномен фейковых новостей. В СССР существовал тотальный запрет на изучение неофициальных текстов и городского фольклора; за распространение слухов сурово наказывали. Запрет этот негласно был снят в конце 1980-х годов, однако время было упущено. Книга фольклористов и антропологов Александры Архиповой и Анны Кирзюк — первое антропологическое и фольклористическое исследование

дование, посвященное страхам советского человека. Книга, по словам авторов, по сути, посвящена трем вопросам: как в СССР возникали тексты об опасных вещах, объектах и явлениях, по какой причине они становились популярными и как они влияли на поведение людей. Почему, например, сама идея о существовании иностранцев-отравителей оказалась важной для распространения? Зачем люди рассказывают друг другу нелепые и глупые истории? Причин немало: эмоциональное удовлетворение, которое мы испытываем, распространяя слух; реакция на социальное напряжение, когда вымышленная угроза помогает обществу справляться с реальной психологической проблемой, с неясной и недифференцированной тревогой. Легенды и слухи бывают опасны: они могут спровоцировать моральную панику и даже привести к вспышке агрессии. Яркий пример — руандийский геноцид 1994 года, в ходе которого погибло от полумиллиона до миллиона тутси. Моральная паника переключает борьбу с реальным врагом на борьбу с врагом воображаемым. Пример: только ли анонимные интернет-злодеи ответственны за все подростковые суициды? Распространение легенд может быть инициировано «сверху», как, например, призывы к гражданам во времена Большого террора разоблачать происки вездесущих «врагов». А могут появляться и распространяться между гражданами на «горизонтальном уровне», не по воле властных институтов, и тогда официальная пропаганда пытается творчески переработать их, а иногда и оспорить. Труд фундаментальный, где сочетаются теоретические изыскания и конкретика. Авторы рассказывают о вещах и явлениях, с которыми советский человек регулярно имел дело в своей повседневной жизни. Сегодня как курьез воспринимается массовая охота за опасными знаками в 1930-х годах: на спичечном коробке люди выискивали профиль Троцкого, троцкистские знаки и послания обнаруживали на обложках школьных тетрадей, на зажиме для пионерского галстука. Массовый психоз был вызван не столько психологическими проблемами отдельных людей, сколько всей политической ситуацией 1930-х годов: представители власти, пребывающие в постоянном напряжении, инспирировали и поощряли поиск вражеского знака. И такие знаки начинали обнаруживать в огромном количестве по всей стране. В свою очередь, успешная находка знака, оставленного врагом, убеждала и представителя власти, и отдельного участника в необходимости продолжения поиска. Невольно на каждый рисунок в газете или журнале смотрели с подозрением. То, что сегодня кажется нелепостью, становилось поводом для закрытия фабрик, увольнения и ареста многих людей. Еще одним распространенным типом легенд были сказания о зданиях в виде свастики. Каждая эпоха в СССР порождала свои слухи и легенды. То евреи в стране вызывали постоянные подозрения и тревогу; то источником опасности становились продукты и вещи иностранного производства: отравленная конфета, взрывающаяся игрушка, «джинсовый дерматит». Способность видеть скрытые знаки, оставленные «врагом», указывают авторы, не является уникальным свойством советских людей. Так, сюжеты о «зловредных» евреях появлялись в самых разных культурах без всяких усилий властных институтов. А в феврале 2019 года в американской спортивной корпорации Nike разразился скандал: бдительные мусульмане обвинили изготовителей новой модели кроссовок в том, что отпечаток подошвы оставляет рисунок, похожий на слово «Аллах». Авторы указывают, что советская легенда, в отличие от своих западных собратьев, жила и развивалась в сложных отношениях с властью: это было не только противостояние, но и взаимовлияние. Слухи «снизу» и «сверху», предупреждая граждан об опасности и создавая моральные паники, эволюционировали на протяжении всего советского времени. В ранних легендах сталинской эпохи советские люди оказываются практически невинными жертвами вражеской злой воли, виновными лишь в нехватке бдительности. А в поздних советских легендах беда (отравление, увечье) становится расплатой за недостаточную лояльность: советский человек сам берет из рук американца джинсы, жвачку или авторучку. На страницах книги множество примеров разнообразных

городских легенд о страшных и опасных вещах, объектах и явлениях. Исследование опирается на данные опросов, интервью, мемуары, дневники и архивные документы. А так как правом собирать городские легенды и слухи в СССР обладала одна организация, известная под именами ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, то с помощью коллег-архивистов из бывших республик СССР авторы использовали доступную в настоящее время информацию из когда-то засекреченных архивов. Кроме того, в сталинский период множество людей было осуждено по статье 58-10 «Антисоветская агитация и пропаганда» (после 1953 года желание власти наказывать уголовным преследованием за распространение фольклорных текстов постепенно сходит на нет). В формулировке приговоров, как правило, указывалось, что подсудимый «распространял слухи о роспуске колхозов», рассказал анекдот «об одном из руководителей партии и правительства» или «написал анонимное письмо с клеветой на советскую действительность». Этот жуткий материал следственных дел также использовался при исследовании городских легенд. Завершает книгу указатель — тематический перечень сюжетов легенд и их вариантов, с отметками о времени и с отсылками на страницы книги или на другие работы авторов.

**Вячеслав Чирикба. Абхазия и итальянские города-государства (XIII–XV вв.).
Очерки взаимоотношений. СПб.: Алетей, 2020. — 212 с.**

Политическая история Абхазии насчитывает примерно полторы тысячи лет. Во многом это самостоятельная история, которая время от времени пересекалась с историей Грузии. Достаточно сведений о присутствии на территории Абхазии греков, римлян, византийцев, арабов. Абхазский ученый Вячеслав Чирикба обращается к малоизученной теме в истории средневековой Абхазии: итало-абхазским взаимоотношениям времен динамичной торговой экспансии на Черноморском побережье Кавказа итальянских городов-государств, прежде всего Генуи. Первое упоминание о генуэзцах в Абхазии относится к 1280 году, когда некий Безано купил у Балари в Севастополе корабль под названием «Мугетто». Севастополис (Сан-Себастьян, Севастополи, современный Сухум) особенно привлекал заморских торговцев тем, что суда здесь могли перезимовать у причала. Генуэзцы могли появиться здесь и раньше. В XIII–XV веках Генуя, могущественная республика во главе с дожем, занимала ведущее место в международной черноморской торговле. Главная ее колония была заложена в Каффе (современная Феодосия) в 1280 году. Поселение в Севастополе генуэзцы основали в 1354 году, когда генуэзский флот полностью уничтожил военный флот венецианцев-конкурентов и стал единолично господствовать на Черном море. Севастополис стал центром деятельности генуэзцев на Кавказе: в нем размещались резиденция главы всех итальянских поселений на Кавказе, генуэзское дипломатическое представительство, призванное защищать интересы итальянцев в Абхазии. Торговые поселения (фактории) генуэзцев появились во многих удобных для навигации местах Абхазии: Какари (Гагра), Санта-София (Алахадзы), Пецонда (Пицунда), Каво ди Буксо (Гудаута), Никоффа (Новый Афон)... Еще в 1318 году папа римский учредил в Севастополе епископство, была построена католическая церковь и устроено католическое кладбище. Все это функционировало в течение более чем двух веков. Католическая община итальянских кварталов жила обособленно и вступала с местными жителями лишь в торговые отношения. В ходу были деньги — серебряные и золотые монеты, в Севастополе имелся даже монетный двор, но главным торговым механизмом служил бартер. Для оформления торговых сделок в Сухуме уже с XIII века работал генуэзский нотариальный офис. Ввозились в Абхазию предметы роскоши: сукно, одежда, специи. Из абхазских портов в Италию и Византию вывозилось много больше: конопля, пшеница, рис, вино, воск,

лес, большим спросом в Европе пользовались лекарственные травы из Абхазии. В XIII—XV веках основным товаром, который поступал через черноморские порты с Востока в Западную Европу, был шелк. Его завозили из Средней Азии, Северного Ирана, Закавказья, из далекого Китая. Одной из важнейших и доходных статей экспорта являлась работорговля. Большая часть рабов происходила из Северного и Северо-Восточного Причерноморья, среди вывозимых из Причерноморья рабов находились и абхазы, как правило, пленные или бедные соплеменники. Из Севастополиса рабы направлялись в Каффу, один из главных центров работорговли в Причерноморье. Работорговля подчинялась определенным правилам. Составлялись купчие грамоты, в которых указывались имена продавца и покупателя, возраст раба, пол, этническая принадлежность и стоимость. Эти акты заверял нотариус. Торговля рабами из Абхазии и Черкесии в Турцию не прекращалась вплоть до середины XIX века, когда ей положила конец Россия. В. Чирикба считает, что при определенных условиях потомков вывезенных в Италию рабов можно вычислить. Автор подробно рассматривает организацию торговой деятельности итальянцев в Абхазии, прежде всего в центральном городе страны Севастополисе, функционирование там консульской и нотариальной службы Генуи, деятельность римско-католической церкви. Он приводит имена всех католических епископов Абхазии с указанием срока их службы. Указывает, что католическая церковь в Абхазии существовала в условиях острой конкуренции с православным духовенством, и после исхода генуэзцев в последней четверти XV века влияние католической церкви в Абхазии сошло на нет. В. Чирикба обнаруживает итальянский след в архитектуре: генуэзская башня XIV века внутри Анакопийской крепости, тамышская крепость в селе Новый Кындыг, башни в Новом Афоне. Рассматривает фрески в средневековых церквях Абхазии, написанные либо итальянцами, либо византийскими греками по заказу итальянцев в XIV—XV веках. Мощный культурный слой генуэзского пребывания в Абхазии выявлен археологами: одноцветная и многоцветная поливная посуда, светильники, стекло... Автор анализирует этнонимы, топонимы и гидронимы средневековой Абхазии и причерноморской Черкесии, содержащиеся в различных итальянских документах, на морских картах, атласах и портоланах рассматриваемой эпохи. В. Чирикба считает, что кое-что, возможно, осталось в языке — например, в именах типа Джьота, Джьсып, Джьоф, Пыта, которые могут иметь итальянский источник. Он приводит в своей книге слова, которые абхазы могли усвоить от итальянцев, например абыста, название которой, скорее всего, происходит от итальянского *pasta*. В целом же, отмечает он, следы более чем 200-летнего пребывания итальянцев в Абхазии все еще плохо различимы. После взятия турками Константинополя в 1453 году в Севастополисе впервые появился турецкий флот, через некоторое время генуэзцам пришлось покинуть Абхазию. В. Чирикба изучал работы крупных абхазских специалистов по генуэзскому периоду, труды российских и европейских историков, старинные итальянские документы и карты, на которых были обозначены населенные пункты Абхазии, и древние флаги Абхазии. Но еще больше, считает он, остается сокрытым в богатейших архивах Генуи, Венеции и Ватикана. Предисловие к ней написал известный итальянский специалист в области российской и кавказской филологии и истории профессор Витторио Спрингфилд Томеллери.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)